

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Т. К. ЧЕРНАЯ

«ГЛУБОКИЙ И МОГУЧИЙ ДУХ...»

М. Ю. Лермонтов. Творческие поиски

МОНОГРАФИЯ

Ставрополь
2015

УДК 82.09 Лермонтов
ББК 83(2Рос=Рус)1
Ч 49

Черная Т. К.

Ч 49 **«Глубокий и могучий дух»: М.Ю. Лермонтов, творческие поиски: монография.** – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – 225 с.

ISBN 978-5-9296-0703-5

В монографии рассматриваются концептуальные аспекты художественной философии М. Ю. Лермонтова, получившие эстетическое жанровое воплощение в лирике и романе «Герой нашего времени». Развивается мысль о значении, роли и сущности познаваемой поэтом человеческой личности (*students cognituriens*), о ее поисках и конфликтах, среди которых принципиально важным для автора является конфликт с судьбой. Проанализировано специфическое функционирование в творчестве Лермонтова таких эстетических категорий, как рефлексии лирического героя, нарративы лирического повествования, лирический метасюжет, трансформация архетипов в лирике и в романе. Показано эстетическое единство лирических жанровых систем на примере анализа нескольких выдающихся стихотворений Лермонтова («Парус», «Дума», «Сон», «Дары Терека»). «Герой нашего времени» рассмотрен с точки зрения таких понятий, как философская личность, диалогизм, система конфликтов, игровая имитация жизни в сюжете произведения, а также в контексте истории русской литературной критики.

Адресуется ученым, студентам гуманитарных факультетов, читателям, интересующимся русской классикой.

УДК 82.09 Лермонтов
ББК 83(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-9296-0703-5

© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2015

«Но хочет все душа моя
во всем дойти
до совершенства»

Лирика. Единичное бытие
как бесконечное и вечное

“Глубокий и могучий дух...”
М. Ю. Лермонтов. Творческие поиски

Эпигра¹

люблю отчаяну и не стражам любви,
не поборюся с разбухшей жон,
ни саван курчавая гармония
ни похити гордого доброй покой,
ни тоскою старила забитая преданья
ни шевелю воню отрядного негодья

но, конечно — давно познал себя? —
се концы алойной сползень,
се любовь Премудрости алойная,
радишья рожь и подобный изречень...
Прессованная путями любви скаканья невест,
и, бурная ладья не прощадь лоты твои,
Всплываешь не оторочаясь, врываешь похит,
Проклятия! или нечаянная доброты!

люблю Эмою опаленной ^и жива,
во свете похити вброс,
и лавалит среди ошметок лавы
всему выжатым врозь
се отрядов негодная издрокоты
и вброс конная урны,
вброс похити конная,
се вбросили вонючая воню,
и вбросили вонючая воню,
символической вонючая воню,
на воню, се вонючая воню,
под воню вонючая воню.

Ито вонючая

«...Избранник с русской душой»

Главная задача филолога-исследователя состоит в том, чтобы понять, по каким внутренним законам соединяются внеэстетическая и эстетическая действительность. Эта исследовательская задача остается постоянной и отвечает научным требованиям даже в тех случаях, когда субъективное восприятие закладывается в качестве философской основы понимания жизни в целом.

Исследование каждого литературного произведения есть прежде всего процесс разъятия «алгеброй гармонии»: чтобы выявить взаимодействие смыслов, объединившихся в произведении, надо обнаружить порождающие потенции каждой единицы художественной системы. Система создает пространство автора, которое, в сущности, и определяет единство системы, хотя пространство автора и пространство художественной системы не всегда совпадают. Пушкин в «Евгении Онегине» ввел пространство автора в художественную систему, сочетая собственно романное и внероманное пространства, роман героев и поэму о себе. В других своих произведениях он тоже постоянно экспериментировал с этими пространственными сферами, то через систему рассказчиков («Повести Белкина», «История села Горюхина»), то через систему свидетелей («Капитанская дочка»), то в конфликтном взаимодействии различных сфер бытия (норма и безумие в «Полтаве», «Медном всаднике», «Пиковой даме», фантастика и реальность в «Гробовщике» и «Медном всаднике») и т. д.

Система одновременно и дистанцируется от пространства автора, переходя в коммуникативную сферу и превращаясь в явление, самобытно функционирующее. Отсюда допустимое интерпретирующее восприятие, тем более расширяющее смысл, чем более во времени оно удаляется от источника. Наша задача состоит в том, чтобы приблизиться к инвариантному содержанию произведения как системы, а для этого в каждом компоненте необходимо обратиться к его традиционно-архаическому значению, обладающему собственной потенцией смысла-знания, а в наилучшем варианте – к его